

Венесуэла после Уго Чавеса

Внутриполитическая перспектива и возможности развития боливарианизма

Георги Коларов

Очень часто для развития революционного процесса или для успеха контрреволюционного решающую роль играет армия. Ее вмешательство определяет ход событий, поскольку она располагает военной дисциплиной и оружием. Когда страна оказывается в хаосе в результате действий политических партий, офицеры-патриоты берут в свои руки власть и претворяют в жизнь идеи своих единомышленников на практике. Конкретно в Латинской Америке патриотически настроенные военные, оказавшись у власти, обычно стремятся построить государство национальной демократии.

Исторический опыт показывает, что, когда военно-националистическое крыло мелкой буржуазии и средних слоев преодолевает свою элитарную ограниченность и воспринимает идеи национальной демократии, оно в состоянии превратить военный переворот в настоящую национальную революцию. В Латинской Америке национально-демократические режимы существовали и существуют в условиях среднеразвитой экономики и устаревших партийно-политических и классовых структур. Их деятельность можно понимать как своеобразную революцию сверху, выходящую за рамки существующего социального порядка, направленную против США и местной олигархии. Латиноамериканские офицеры-националисты, связанные кастовыми и патриотическими узами, успели сыграть роль независимой силы со своей национально-демократической идеологией. Часто, однако, сами вооружен-

КОЛАРОВ Георги Иванов – кандидат политических наук, докторант Российского университета дружбы народов, преподаватель факультета глобальных процессов МГУ им. М.В.Ломоносова и Варненского экономического университета (Республика Болгария). *E-mail:* gikolarov@yandex.ru

Ключевые слова: Боливарианская Латинская Америка, Уго Чавес, Венесуэла, Николас Мадуро, революция.

ные силы делились на левых и правых, что доводило ситуацию до гражданской войны.

Для обеспечения мирного осуществления необходимых социально-экономических завоеваний национально-демократической революции нужны сплоченность армии, наличие националистических и антиимпериалистических позиций командования. Однако если североамериканские интересы окажутся глубоко затронутыми, США без колебания, с применением военной силы, реставрируют старую коррумпированную олигархию. Так было в Доминиканской Республике и позже в Панаме, поскольку Латинская Америка все еще находится в зависимости от США.

Приложение к Латинской Америке доктрины национальной безопасности Вашингтона всегда защищало интересы прежде всего, транснациональных финансовых кругов, которые используются Пентагоном во всех случаях, когда у них нет альтернативы. США надо, чтобы во всех странах региона царил внутренний мир и правили послушные правительства, которые обеспечивали бы социальные условия для эксплуатации их ресурсов североамериканским империализмом. Соответственно, вооруженные силы этих стран также должны следовать упомянутой доктрине и всегда быть в готовности бороться с «внутренним врагом», т.е. с левыми политическими партиями и партизанскими движениями, ставящими под сомнение поддерживаемое национальной олигархией статус-кво в стране.

Иными словами, доктрина национальной безопасности Вашингтона предусматривает для армий латиноамериканских государств исключительно функции жандармерии. Им отводится роль стража антидемократической и проимпериалистической политики стран региона. Поэтому вооружение и оборудование, которое им поставляет Пентагон, годится прежде всего для ведения контрпартизанской войны, а никак не для защиты территориальной целостности и государственного суверенитета.

Самый яркий пример режима национальной демократии во главе с военными – правление Уго Чавеса в Венесуэле. Его звезда вспыхнула на политическом небосклоне страны 4 февраля 1992 г., когда путем переворота он попытался свергнуть легитимного президента и попал в тюрьму. Однако это было только началом его бурной политической карьеры. В течение двух лет в тюрьме у Чавеса была возможность выработать новые стратегические и тактические установки и сориентироваться на демократические методы ведения политической деятельности.

Благодаря им он одержал убедительную победу на президентских выборах в 1999 г. и законным путем стал главой государства. Именно тогда и совершился крутой поворот в истории Венесуэлы, который ветеран российской латиноамериканистики Кива Майданик обозначил как «социальную революцию, выступающую не только как авангардная, но и как интегрирующая сила нынешнего процесса»¹.

Идейно-политические установки Чавеса и его окружения стали формироваться в конце 70-х – начале 80-х годов при создании ими секретной

нелегальной организации КОМАКАТЕ (имя организации составлено из первых букв офицерских званий, существующих в венесуэльской армии и находящихся в градации). Вначале она не имела ясной идеологии. Ее лидеры ставили на первый план социально-экономические проблемы общества. После празднования 200-летия со дня рождения Симона Боливара (1983 г.) именно его взгляды и мировоззрение стали ведущими для политической ориентации лидеров КОМАКАТЕ. Поэтому организация была переименована в «Революционное боливарийское движение» (МБР-200).

Кроме духовного наследия Освободителя, истоками формирования идеологии движения являлись мысли и действия учителя Боливара – Симона Родригеса и героя венесуэльской гражданской войны середины XIX в. Эсекиеля Саморы. От первого были восприняты ценности гуманизма и просвещения, а от второго – идеалы социальной справедливости и стремление к ликвидации олигархического правления. В результате идеологию движения военных можно определить как национально-демократическую, основанную на идейно-теоретическом наследии Боливара. Перед Чавесом и его соратниками был и выдающийся пример перуанского генерала Хуана Веласко Алварадо, правление которого послужило стимулом для воплощения в практику идей движения.

В феврале 1989 г. в Каракасе произошли столкновения между вооруженными силами, с одной стороны, и столичными маргиналами, с другой. Последние протестовали против пакета мер, принятых под давлени-

ем Международного валютного фонда, направленных на повышение цен. Тот факт, что президент и правительство послали армию и Национальную гвардию против собственного народа (и, таким образом, похоронили Конституцию 1961 г. и систему представительной демократии, просуществовавшую около трех десятилетий), оказался последней каплей, которая переполнила чашу терпения молодых лидеров «Революционного боливаристского движения». С тех пор они стали готовить путч для свержения президента.

Путч произошел 4 февраля 1992 г. Цель переворота – «спасение венесуэльцев, страдающих от политиков, демагогов и бюрократии»².

Путчисты обвинили руководство страны в том, что люди еще более обнищали. После ликвидации социальных несправедливостей они выразили готовность сдать власть «венесуэльцам, с честью несущим это звание»². Чавес делал ставку на социальную подоплеку антиправительственных выступлений и, как отмечает самый успешный русский исследователь его режима Эмиль Дабагян, «непосредственно связывал демократию с обеспечением минимальных условий жизни и труда»³. Хотя, по мнению американской исследовательницы Д. Норден, «попытка февральского путча потерпела неудачу в значительной степени из-за просчетов в планировании и организации, но она оказалась достаточной для раскручивания лидеров движения и их идей...»⁴

Президент страны – социал-демократ Карлос Андрес Перес (КАП) все-таки был отстранен от власти (февраль 1993 г.). При этом соблюда-

лись все законодательные нормы и демократические правила. Соответственно, интеллектуальная и политическая элита страны (в том числе ультралевые, как например, известный венесуэльский политик и бывший партизанский командир болгарского происхождения Теодоро Петков) стала убеждать лидеров движения в ошибочности насильственных действий для улучшения жизни народа и прогресса Венесуэлы.

В конце концов, в апреле 1997 г. движение решило принять участие в выборах, выдвинуть своего лидера кандидатом в президенты, а также переименовать в движение в «V Республика». Оно быстро превратилось в массовую национальную организацию. Однако и тогда, и до сих пор основную роль в ней играют бывшие военные. Движение официально выдвинуло Уго Чавеса кандидатом в президенты в 1998 г. К нему присоединились «Движение к социализму» (МАС) Теодоро Петкова, «Родина для всех», «Избирательное движение народа», Венесуэльская коммунистическая партия и т.д. В итоге Чавес завоевал 56,20% голосов и одержал

блистательную победу над своим соперником.

Таким образом, он вошел в президентский дворец через парадный вход в соответствии со всеми законами страны.

Победитель сразу объявил свой основной приоритет – демонтаж сложившейся социально-экономической и политической системы и строительство Боливарианской Республики социальной и партисипативной демократии*. Он декларировал модель, которую посчитал самой подходящей для Венесуэлы, – промежуточную между неолиберализмом и коммунизмом. Чавес заявил, что, хотя коммунистическая система отвергнута и Берлинская стена пала, это не означает автоматически победы неолиберализма. По его словам, надо «искать точку равновесия». Он постановил: «Столько государства, сколько возможно, и столько рынка, сколько необходимо»⁵.

В его концепции демократия – это, прежде всего, правительство народа, чей суверенитет не может быть делегирован, при этом демократия – это

* Страна была переименована в Боливарианскую Республику Венесуэла, имя Освободителя стало присутствовать повсеместно в обыденной жизни венесуэльцев. Во всех областях социальной жизни все новое, связанное с правительством Чавеса, стало носить эпитет «боливарианское».

Для венесуэльцев Симон Боливар стал таким же основополагающим началом, как до недавних пор Ленин и Сталин для советских людей, или Мао Цзе Дун для китайцев.

Даже первичные структуры правящей партии стали называться боливарианскими кружками.

Таким образом, новая власть хотела продемонстрировать, что старается реализовать идеалы Освободителя и его соратников 200-летней давности. Чавес публично объявил себя преемником Боливара и копировал его поведение как перед внутренней, так и перед внешней аудиторией.

Он отождествлял эти два периода в истории Венесуэлы и утверждал, что только тогда страна была на самом деле независимой и приобрела национальное достоинство и гордость, а в международном плане общалась на равных с США. Не зря североамериканские политики считали его одним из своих самых больших врагов в Западном полушарии.

«расширение пространства народного участия»⁶. В своих публичных выступлениях Чавес стал говорить, что является демократом и выступает не против демократии, а против тирании, носившей маску демократии.

Суть проекта, выработанного Чавесом и его соратниками, состоит в специфическом месте вооруженных сил в такой стране, как Венесуэла. Кроме защиты страны они заняты еще в ряде других областей государственного управления. Им отводилась сложная роль в стремлении Венесуэлы вступить в XXI в. современным, развитым, гармонизированным государством в отличие от таких соседей, как, например, Колумбия. Кстати, Чавес относился довольно критично к колумбийским руководителям кругам.

Когда, например, в конце января 2005 г. колумбийские спецслужбы при участии своих североамериканских коллег задержали на венесуэльской территории одного из руководителей «Революционных вооруженных сил» Колумбии (ФАРК*) – Родриго Гранада, он твердо осудил этот акт, определяя его перед латиноамериканскими и мировыми СМИ как далеко идущую стратегическую конспирацию против латиноамериканского интеграционного процесса, которая идет на пользу только гегемонистам из США и консервативной олигархии из Боготы и Каракаса. По его мнению, именно этим кругам невыгодно объединение латиноамериканских народов, и они делают все возможное, чтобы сорвать его, включая вооруженные провокации.

Новая власть стала пользоваться по поводу и без повода определением «национальный»: национальная демократия, национальная власть, национальные богатства, национальная безопасность, и вообще нация, зазвучали повсеместно, чтобы подчеркнуть приоритет национальных интересов перед отношениями с «большим братом» с Севера и перед процессом глобализации, которого так или иначе венесуэльцам не избежать, однако есть возможность уменьшить его отрицательное воздействие на венесуэльскую нацию в целом и на разные компоненты гражданского общества. Одновременно с этим развивалась идея «великой латиноамериканской нации» и «объединенной родины».

Венесуэльский политолог Лопес Майя сделала следующее замечание: «Для боливарианцев отечественная история XIX и XX веков представляет единое целое. Народные массы всегда были жертвами олигархии, сегодня именуемой партиями. Исходя из подобного восприятия, конструируется программа и стратегия. Она не может не быть революционной, поскольку речь идет о том, чтобы все начать с нуля»⁷. По этому поводу она отмечает, что Чавес и его соратники стремились к власти для того, чтобы возродить боливарианский проект, который так и не был реализован. Основа этого проекта – полный пересмотр конституции 1961 г. Венесуэльский лидер отмечал, что Конституция 1961 г. «нелегитимна как по происхождению, так и по развитию»⁴. Это он сказал еще во время не-удавшегося военного переворота в апреле 1992 г.

Вступив законным образом в должность, Чавес стал реализовывать свой боливарианский проект. Он объявил референдум, на котором

* ФАРК – революционные вооруженные силы Колумбии – Армия народа. (FARK – Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia – Ejército del Pueblo).

венесуэльцы должны были проголосовать за созыв Конституционной ассамблеи, чтобы реформировать Конституцию. На выборах в ассамблею его сторонники одержали блестящую победу. После этого Чавес уже назвал Конституцию «умирающей» (в действительности так оно и было, еще до его прихода к власти). Он провозгласил Конституционную ассамблею верховной властью, главным образом в отношении законодательных и судебных органов.

Э. Дабагян вполне основательно считает, что именно этот его шаг резко увеличил противостояние между ветвями власти, которое закончилось фактической ликвидацией парламента и Верховного суда³. Через месяц состоялся второй референдум, который утвердил конституционные перемены и поменял государственную специфику Венесуэлы. С 2000 г. страна стала называться Боливарианская Республика Венесуэла, чтобы подчеркнуть великое дело Боливара, которого соратники Чавеса считают основателем страны и отцом нации.

Новая конституция значительно расширила права военных. Они получили возможность голосовать и практически вышли из-под контроля парламента. Последний перестал утверждать присвоение очередных воинских званий. Высший командный состав вооруженных сил стал пользоваться иммунитетом. И военные оказались благодарными. Несмотря на призывы со стороны олигархии и пособников США к неповиновению, они сохранили верность новой конституции и своему вождю. Именно вооруженные силы оказали помощь правительству в восстановлении государственного контроля

над нефтяной отраслью, в нормализации поставок бензина и газа, продовольствия, в борьбе с саботажем.

Э. Дабагян считает современную расширительную трактовку прав человека (как совокупность экономических, социальных, политических прав) одним из достижений Основного закона Венесуэлы³. Он подчеркивает, что система социального обеспечения строится на принципах универсализма, солидарности, кооперации, участия, самоуправления и взаимной ответственности³. По его мнению, эта конституция «имеет ярко выраженный этатистский характер... Венесуэла превращается в суперпрезидентскую республику»³, что превращает Чавеса в диктатора, каким, в сущности, был в свое время и Симон Боливар.

Э. Дабагян говорит об этом так: «Приняв новый Основной закон и приведя в соответствие с ним государственное устройство страны, Чавес и его единомышленники заложили институциональные основы создания Боливарианской V Республики, социальной и политической демократии. И тем самым вывели Венесуэлу на принципиально иной виток развития»³.

Как сказал видный никарагуанский поэт-революционер, министр культуры сандинистского правительства Эрнесто Карденал, «конституция, армия и народ являются тремя главными оружиями Чавеса»⁸.

Российский латиноамериканист и исследователь взаимоотношений между государством и военными Е. Пашенцев утверждает, что «социальные реформы Уго Чавеса, известные как "Боливарианская революция", которые еще продолжают, поменяли менталитет и установки миллионов венесуэльцев»³.

Простые люди, которые раньше никогда не имели никаких политических пристрастий и не участвовали в общественной жизни, в апреле 2002 г. встали грудью на защиту Чавеса, когда путчисты попытались его сместить. Они оценили прежде всего то, что правительство пытается

всеми силами сократить разрыв в уровне благосостояния граждан за счет справедливого распределения доходов от добычи нефти. Это нелегко, поскольку в последние десятилетия в Венесуэле наблюдается стремительный демографический рост именно среди бедных слоев населения, за которым не успевали никакие социальные программы. По Чавесу видит единственный выход из этой ситуации – не допустить приватизацию энергетических и других ресурсов страны, чтобы не было их распродажи и разграбления.

Вот характеристика Чавеса, которую дал Габриэль Гарсиа Маркес: «Внезапно я осознал, что с удовольствием побеседовал с двумя разными людьми. С одним, кому судьба дала возможность спасти свою страну. И с другим – иллюзионистом, способным войти в историю деспотом»⁹.

Можно провести параллель между Чавесом и другими лидерами латиноамериканских стран, таких как Хуан Веласко Алварado, Омар Торрихос и Фидель Кастро. Левонационалистический веласкистский режим использовал те же формы и методы социальной мобилизации. Чавес копирует Ф.Кастро, стиль общения с массами и налаживания прямой демократии. Не зря между двумя лидерами сложились теплые дружеские отношения и оба государства стали стратегическими партнерами и союзниками в отпоре нажиму со стороны США. Венесуэльский президент разделяет позиции своего кубинского друга в отношении полного освобождения «нашей Америки» (по выражению Хосе Марти) от североамериканского влияния и зависимости. Он заявил в одном из своих

выступлений перед Общим собранием ООН: «Симон Боливар, отец нашей нации и вождь нашей революции, завещал нам не давать отдыха нашим рукам и покоя нашим душам, пока полностью не освободим “Нашу Америку” от рабства США»¹⁰.

Находясь в Нью Йорке на Ассамблее ООН (конец сентября 2006 г.), Чавес бросил тяжелые обвинения в адрес США и их союзников, наградив лично Джорджа Буша самыми хлесткими эпитетами и определениями. Он сказал, что «Буш – дьявол и сидит на глиняных ногах, однако хвост в его, Чавеса, руках».

Его отношение к президенту США выражено так: «Дьявол, лжец, тиран, пресс-секретарь империализма, ему пора обратиться к психиатру, он мог бы стать персонажем одного из фильмов Альфреда Хичкока, он поддерживает терроризм»¹¹.

Пользуясь богатыми нефтяными запасами страны, Чавес старается повысить роль Венесуэлы и Латиноамериканского региона в целом в современном мире, перераспределить влияние стран и регионов в современных международных отношениях. Его высказывания о США и других развитых странах отражают объективные политические реальности начала XXI в. – возросший потенциал многих государств третьего мира, который не соответствует их политической роли и месту в международных отношениях и организациях.

Как и вышеупомянутые латиноамериканские генералы – левые националисты (а также Фидель Кастро), Чавес немедленно пошел на развитие и укрепление связей с Российской Федерацией как правопреемницы Советского Союза и противовеса недавней односторонней зависимости от США.

Э.Дабагян выводит стремление Чавеса к пророссийской ориентации из его внешнеполитической доктрины, «в основе которой лежит концепция построения многополярного мира на обломках постконфронтационной эпохи. Исходя из этой принципиальной посыл-

ки, Чавес обосновал особую необходимость развития всесторонних связей с Россией, считая ее одним из столпов этого мира, призванных противостоять гегемонизму единственной сверхдержавы»³.

Есть еще две особенности боливарианской внешнеполитической доктрины, которые стали костяком латиноамериканского объединения и общего отпора региональной политике США.

Это, во-первых, сохранение ведущей роли Венесуэлы в ОПЕК, которая защищает общие интересы стран – производителей углеводородного сырья перед богатыми странами, его импортирующими. Чавес хотел использовать эту организацию в качестве инструмента для давления на правительства США и других главных потребителей этих продуктов.

Во-вторых, это стремление к материализации идеи латиноамериканского объединения как реализации мечты Симона Боливара о создании конфедерации государств Латинской Америки.

Надо отметить, что внешнеполитическая доктрина Чавеса встречала всестороннюю поддержку как со стороны его латиноамериканских коллег и друзей (вроде Эво Моралеса, Даниэля Ортеги и Фиделя Кастро), так и со стороны высшего руководства Российской Федерации.

В своем приветствии венесуэльскому президенту во время его визита в Москву (май 2001 г.) В.В. Путин сказал: «Сотрудничество с Венесуэлой является основополагающим элементом взаимоотношения России с Латинской Америкой»³.

В подтексте этого заявления российского президента можно рас-

смотреть приоритет развития отношений с латиноамериканскими государствами, в которых сейчас на вершине власти находятся политики, твердо стоящие на антиглобалистских позициях и старающиеся равномерно развивать отношения со всеми остальными полюсами мирового политического пространства, чтобы противостоять главному – США, и таким образом достичь настоящей независимости и самостоятельности для своих стран.

Венесуэла У.Чавеса являлась приоритетным партнером Российской Федерации, поскольку, с одной стороны, нефтяные запасы превращают ее в самую богатую страну во всей Латинской Америке, а с другой – в Каракасе правил самый радикальный из лидеров региона, который не побоялся бросить вызов Вашингтону, установив теплые отношения с Гаваной и нанеся дружеский визит в Багдад еще во время президентства Саддама Хусейна, а также в Тегеран, превратившийся в последнее время в одну из самых больших угроз влиянию США на Ближнем и Среднем Востоке. Особенно стоит отметить визит в Иран в последние месяцы правления иранского президента Мохаммеда Хатами, который до сих пор раздражает правящие круги Вашингтона, поскольку именно тогда оба лидера от имени своих правительств и народов сделали жесткие антисевероамериканские заявления.

Они декларировали, что Иран и Венесуэла имеют общие интересы и цели и поэтому должны поднять свои политические и торговые отношения на самый высокий уровень. В Тегеране Чавес в очередной раз выразил восхищение антиимпериалистической природой иран-

ской революции 1979 г. и ее бескомпромиссным сопровождением агрессивным поползновением со стороны Вашингтона.

Они выразили свое отрицательное отношение к новому мировому порядку. Такого же типа декларации стали появляться и после каждой встречи Чавеса с новым иранским президентом Махмудом Ахмадинежадом. Подобные заявления были сделаны и в столице эмирата Катар – Доха. Это государство тоже раздражает США существованием на его территории арабского телевизионного канала «Аль-Джазира».

Можно прогнозировать, что даже после смерти Чавеса в ближайшем десятилетии именно Венесуэла будет форпостом антиглобализма и антисевероамериканизма в Западном полушарии, опережая даже Кубу и Бразилию.

Неслучайно, рассматривая подписанные документы во время упомянутого визита Чавеса в Москву, Э. Дабагян отмечает «совпадение либо близость позиций по ключевым вопросам мирового развития» и подчеркивает, что «обе страны договорились прилагать усилия для становления многополярного и ненасильственного миропорядка, базирующегося на принципах невмешательства во внутренние дела, равноправия и суверенного равенства государств, мирного урегулирования споров, неприменения силы или угрозы ее применения, территориальной целостности и политической независимости»³.

Чавес очень четко выразил суть новых российско-венесуэльских отношений: «стратегический союз, способный оказать влияние на геополитику»³. По мнению его соратников, а также независимых российских и венесуэльских аналитиков, именно оба визита в Москву принесли боль-

ше пользы, чем все остальные зарубежные поездки президента с тех пор, как его избрали на этот пост.

Обе страны углубили сотрудничество по добыче и экспорту углеводородного сырья, в частности, было продлено давно действующее соглашение о том, чтобы Венесуэла осуществляла на Кубу поставки нефти, оплаченной Россией, а Российская Федерация в том же объеме выполняла венесуэльские обязательства к западноевропейским государствам, значительно сокращая, таким образом, время поставки и транспортные расходы*. Также было налажено широкое техническое сотрудничество по добыче и поставке нефти, что помогает не отставать от научного прогресса в области этих технологий и удовлетворять требованиям потребителей нефтепродуктов из высокоразвитых стран.

Серьезное расширение и углубление этого сотрудничества было намечено после встречи в Москве (ноябрь 2004 г.) российских и венесуэльских бизнесменов и государственных чиновников, работающих в области добычи нефти. На этой встрече Чавес отметил, что основной потенциал его страны – это народ, его мораль, а уже на втором месте – нефть и газ.

Уго Чавес пригласил инвестировать в венесуэльскую экономику и конкретно в нефтедобывающую промышленность российских предпринимателей, которые пообещали выделить на это 5 млн долл. (тогда торговый обмен между двумя странами равнялся 40 млн долл.).

Кроме того, Москва участвует в обновлении 150 нефтеперерабатывающих заводов в

* Нельзя забывать, что Венесуэла сама поставляет Кубе нефть в объеме 53 тыс. барелей в день по преференциальным ценам.

Каракасе; строительстве газопровода, проходящего по всей Южной Америке; строительстве комбината для производства бокситов и алюминия стоимостью 1 млрд долл.

Совместные декларации российских и венесуэльского президентов о «борьбе с преступностью, распространением наркотиков, терроризмом и другими болезнями века»³, которые были подтверждены во время их третьей встречи, никак не мешали Чавесу постоянно подчеркивать, что самым большим террористом современности является правительство США, которое угрожало его сместить и даже убить. Он использовал все возможности для заявлений, что его страна принимает все необходимые меры для защиты своей независимости и государственного суверенитета.

В этой связи нельзя не отметить самого нового и, может быть, самого важного для венесуэльской стороны аспекта российско-венесуэльских отношений – установление и развитие военно-технического сотрудничества с довольно широким спектром – от поставки российских вертолетов до строительства русскими специалистами космодрома в Венесуэле.

Именно российские поставки вооружения для Каракаса занимают первое место в медийных публикациях и информациях о двусторонних отношениях. Венесуэла входит в сферу стратегических интересов Российской Федерации, и каждая попытка со стороны США силой повлиять на политические процессы в стране или оказать нажим военными средствами чревата последствиями вроде «Карибского кризиса», чего в сегодняшней ситуации Вашингтон,

утонувший в болоте проблем Ирака и Афганистана, не может себе позволить.

Вызовы, брошенные США, всестороннее противодействие внешней политике и экономическим интересам Вашингтона в сочетании с замораживанием военного сотрудничества и прекращением совместных региональных учений не могли оставить североамериканских политиков и руководителей спецслужб безразличными. В начале апреля 2002 г. ими с помощью консервативных военных кругов (которые поддерживали традиционно хорошие отношения со своими коллегами из США) и венесуэльской олигархии была подготовлена попытка переворота для восстановления статус-кво в стране и вообще в Латинской Америке.

Путчисты во главе с председателем Торгово-промышленной палаты Педро Агилара Кармона сразу издали указы о роспуске органов Боливарианской Республики, включая парламент, отменили Конституцию 1999 г.

Чавес был арестован (было распоряжение Кармоны о расправе с ним). Однако через два дня путчисты были вынуждены его освободить, и он с триумфом вернулся в президентский дворец (благодаря прежде всего Диего Кабелье, ставшего в последствии председателем венесуэльского парламента). У. Чавес сразу указал на «североамериканский след» в попытке переворота и заявил, что «многие маккиавелистские умы планировали эту операцию»¹². По его словам, «переворот не является делом военных, его настоящие авторы прячутся за

их спинами»¹². Доказательством этих утверждений являлось присутствие военного самолета США в месте задержания Чавеса, а также быстрота при подготовке путча. Проведенное расследование обнаружило кроме североамериканского еще и испанское участие в попытке свержения Чавеса (что стало поводом для него назвать фашистом бывшего испанского премьер-министра Хосе Марию Аснара на встрече глав иберо-американских государств в чилийской столице Сантьяго), а также пассивное участие спецслужб соседней Колумбии, где нашли убежище некоторые из участников неудавшегося переворота (это неудивительно, имея в виду предоставление Чавесом убежища на территории Венесуэлы колумбийским боевикам ФАРК). Но когда премьер-министром Испании стал лидер социалистов Хосе Луис Родригес Сапатеро, то она на время его мандата, как Куба и Бразилия, превратилась в основного внешнеполитического партнера Венесуэлы. Расследование попытки переворота затянулось, потому что генеральный прокурор страны Данило Андерсон, который был ответствен за него, был убит в ноябре 2004 г.

В интервью, взятом португальским писателем, лауреатом Нобелевской премии по литературе Жозе Сарамага, Чавес указал на ЦРУ как организатора путча и подчеркнул, что «правительство Аснара тоже участвовало»¹³.

Основной критик латиноамериканских левых среди российских латиноамериканистов Марина Чумакова признает, что «антиамериканская риторика, отторжение проекта

АЛКА* и участие в континентальных социальных форумах сделали его полюсом притяжения для левых партий и радикальных движений... Само существование венесуэльского режима явилось весомым фактором активизации «антисистемных» сил»¹⁴. Она констатирует, что «нефтедолларовая дипломатия Чавеса превратилась в средство для привлечения союзников»¹⁴, и применяет к его режиму термин *petroestado* (государство, функционирующее за счет нефтедолларов), считая, что его возможности ограничены. По ее мнению, «боливарианский проект с его методами давления на оппозицию и мобилизаций сторонников режима на борьбу с последней привел к сужению гражданских и политических свобод»¹⁴.

Это мнение – типичное для критиков Чавеса.

В Венесуэле 15 августа 2004 г. состоялся референдум по отзыву главы государства, на котором Чавес одержал убедительную победу. Его первый президентский срок должен был закончиться в январе 2007 г. Однако на выборах президента в декабре 2006 г. он получил мандат на второй срок. Мощный административный ресурс обеспечил ему победу. В обоих случаях политическая активность бедных слоев была направлена по электоральному руслу.

Как и во время референдума, политические шаги по мобилизации масс подкреплялись масштабными вливаниями в социальную сферу. Искоренение нищеты связывалось с утверждением человеческого и наци-

* АЛКА – Американский союз свободной торговли. (*ALKA – Aliausa para Libre Comercio Americana*).

онального достоинства. Право голоса опять было предоставлено эмигрантам, а также была выплачена компенсация жертвам стихийного бунта в маргинальных кварталах (февраль 1989 г.). Крупнейшие государственные корпорации получили предписания по обязательному отчислению на социальные нужды части своих прибылей.

Со своей стороны оппозиция, хотя и разрозненная, попыталась предотвратить осуществление данного сценария. Она включала влиятельных представителей промышленно-предпринимательских кругов, верхней части среднего класса и католической церкви, владельцев средств массовой информации. На референдуме оппозицию поддержали 40% избирателей. Однако на парламентских выборах (ноябрь 2005 г.) она даже не участвовала, потому что политическая ситуация не склонялась в ее пользу.

На президентских выборах оппозиция все-таки сумела выдвинуть единого кандидата – губернатора штата Сулия Мануэла Росалеса. Он в своей кампании обратил особое внимание на социальные вопросы. Однако британская газета «Гардиан» раскрыла, что он и его соратники получали деньги из североамериканских источников. Им были предоставлены 26 млн долл., вроде бы «для программ по развитию демократии в Венесуэле». Эта информация спровоцировала бурю возмущения в стране, и не только среди сторонников Чавеса. Он, со своей стороны, обвинил США в попытках оказания давления на ход президентских выборов. Кроме того, в одном из своих выступлений по поводу пятой годовщины терактов в

США, 11 сентября 2006 г., обвинил Джорджа Буша и его окружение в том, что они сами все это организовали, чтобы прибавить себе популярности и оправдать агрессию в Афганистане и Ираке.

Его популярность среди большинства населения Венесуэлы, а также других латиноамериканских стран, и вообще стран третьего мира, постоянно росла. Выиграл он и референдум, связанный с новой конституцией страны. Так что можно было с уверенностью прогнозировать, что «Боливарианская революция» будет продолжена и ознаменует левый поворот в Латинской Америке в сторону антиглобализма и противостояния США. Этому никак не помешало даже легкое поражение (только 49,30% против 50,70%) на референдуме 2 декабря 2007 г., который должен был увеличить президентские полномочия и дать возможность Чавесу править страной и после окончания второго президентского мандата.

Голосование должно было привести к переменам в конституции в четырех основных областях:

- укрепление прямой демократии;
- социальная интеграция;
- поддержка таких форм экономического развития, которые не являются неolibеральными;
- усиление власти центрального правительства.

Результат показал, что венесуэльское общество пока не полностью готово проглотить все это одновременно. Хотя черный PR со стороны финансируемой США оппозиции тоже имел определенное значение, но ос-

новную роль сыграла недостаточная эффективность выполнения программ правительства, в частности в социальной сфере.

Стоит отметить, что в течение 2006 и 2007 гг. ухудшилось функционирование систем здравоохранения, начального и среднего образования, строительства жилья, обеспечения продуктами питания, перераспределения земли, занятости населения, создания кооперативов и т.д. Так, в ноябре и декабре 2007 г. было невозможно достать свежего молока и очень тяжело найти ряд основных продуктов.

Все это оказало воздействие на избирателей.

Необходимо подчеркнуть, что, помимо всего прочего, многие приверженцы Чавеса не разделяли его точку зрения об увеличении полномочий главы государства и продлении срока президентства для укрепления революционного процесса и облегчения перехода к социализму. Они тоже проголосовали против.

Никак нельзя сказать, что провал конституционного проекта мог бы затормозить революционный процесс. Наоборот, это был даже шанс для его развития. Если бы реформа все-таки прошла хотя бы незначительным большинством, оппозиция не приняла бы результатов голосования и совершила бы очередную попытку дестабилизации страны, проводя демонстрации или объявляя о несуществующих нарушениях. Даже в этой ситуации противники Чавеса стали утверждать, что их победа была на самом деле намного более убедительной, чем было официально объявлено. В случае если кампания

по дестабилизации в стране началась на следующий же день после минимальной победы на выборах сторонников Чавеса, она могла бы нанести ущерб, который многократно бы превосходил то легкое поражение, которое потерпел Чавес.

Провал конституционной реформы открыл для его последователей процесс самокритики и самоанализа, впервые после 1998 г., так как в течение 10 лет критика практически не доходила до ушей президента. Эта чрезмерная персонализация (благодаря наличию настоящего «харизматического» лидера) боливарианского движения отодвинула на второй план обратную связь в его структуре. Эта связь нужна для успешного противодействия оппозиции и ее хозяев из Вашингтона*. Поэтому для обеспечения нового подъема «социализма XXI века» необходимо было решить задачу по активизации народных масс и усилению гражданского общества в стране.

Новым моментом в политической жизни Венесуэлы стала болезнь Уго Чавеса. Его противники, с одной стороны, злорадствовали, а с другой – жалели, что он может умереть на президентском посту своей смертью (как, собственно, и случилось, хотя есть серьезные подозрения, что он был отравлен или облучен), а не в тюрьме (как хотел, например, его ярый противник, социолог Кирил Ангелов). Приверженцы Уго Чавеса до сих пор демонстрируют решимость отстаивать революционные

* Почти через два месяца после поражения именно Чавес стал инициатором общего банка и военно-политического союза между Венесуэлой, Кубой, Боливией, Эквадором и Никарагуа так называемого АЛБА, направленного против США.

завоевания даже после его смерти. А представители тех левых, которые являются оппонентами Чавеса (как известный левый политический деятель Теодоро Петков), поставили вопрос о перспективах революции и выразили сомнение в том, что она достигнет своих целей, если будет находиться в зависимости от одного человека. Лечение, которое братья Кастро обеспечили Чавесу на Кубе, дало ему возможность выиграть еще один президентский мандат осенью 2012 г.* и бороться до последнего дня своей жизни за продолжение уже начатого политического курса. У Чавес не зря назначил своим политическим наследником именно Николаса Мадуро**, который пользуется безграничным доверием Фиделя и Рауля Кастро, поскольку обеспечивает регулярные поставки венесуэльской нефти для Кубы, а также проводит трехсторонние торговые операции по финансированию кубинской экономики: Куба закупает, например, очень дешево продукты питания и потом продает их дорого Венесуэле. Против этой практики выступает председатель венесуэльского парламента Диосдадо Кабельо.

Из-за этого его в Гаване принимают очень плохо – он единственный из высших руководителей «Боливарианской революции» не был приглашен посетить кубинскую столицу, пока Чавес проходил там курс лечения, и даже тогда, когда его состояние здоровья стало неуклонно ухудшаться. Это и привело к эволюции в худшую сторону отношений между

двумя руководителями «Боливарианской революции».

Североамериканское правосудие преследует Диосдадо Кабельо из-за участия в наркотрафике в особо крупных размерах, поэтому он пока воздерживается от притязаний на первый государственный и партийный пост, ограничиваясь своим сегодняшним статусом. В противном случае знает, что может повторить судьбу панамского генерала Мануэли Антонио Нориеги, который 15–16 декабря 1989 г. был арестован и осужден в результате операции вооруженных сил США в Панаме.

Можно прогнозировать, что даже после смерти Уго Чавеса страна уже настолько изменилась, что возврат к прошлому невозможен. Большинство венесуэльцев так или иначе восприняли его идейные установки и в будущем не согласятся потерять свои социальные завоевания. Также невозможен тесный военно-политический союз между Каракасом и Вашингтоном, который существовал при прежних президентах. Единственная перемена, которая ожидается после конца эпохи Чавеса, – это переход Венесуэлы из лагеря леворадикальных латиноамериканских государств к левоцентристам (если Диосдадо Кабельо сумеет занять место Николаса Мадуро, однако именно он в состоянии ухудшить отношения между Каракасом и Вашингтоном до реального военного противостояния).

Венесуэльский посол в Софии Рафаэль Анхель Баретто Кастильо – основатель Молодежной коммунистической партии Венесуэлы, считает, что после своего создания, «на протяжении 200 лет, страна находилась под влас-

* Уго Чавес выиграл у своего молодого соперника Энрике Каприлеса Радонски с большим отрывом.

** Николас Мадуро – бывший водитель троллейбуса и профсоюзный лидер.

тью местных олигархий, находившихся под влиянием североамериканского империализма. Однако с приходом к власти президента Уго Чавеса Фриаса, создателя так называемого "Боливарианского проекта", с социальной, экономической и политической точек зрения страна была поставлена перед вызовом совершить настоящую революцию... "Боливарианский проект" направлен на строительство социализма в XXI веке, а по некоторым стратегическим направлениям, содержащимся в социалистическом плане "Симон Боливар" в данное время находится в процессе исполнения. Проект "Для полного социального счастья" отражает тот факт, что сегодня все граждане Венесуэлы живут в поиске новых, лучших условий жизни, именно так, как мечтал наш освободитель Симон Боливар»¹⁵.

Здесь можно отметить полное совпадение мнений между боливарианцами и представителями традиционной просоветской Венесуэльской Коммунистической партией. Далеко не везде в Латинской Америке ортодоксальные коммунисты присоединились к современному революционному процессу. Кое-где даже противодействовали, как, например, на Кубе и в Никарагуа, и были практически отстранены от политической жизни.

Р.А.Б. Кастильо подчеркивает, что «новая национальная геополитика меняет социально-территориальное устройство Венесуэлы... путем децентрализации территориальной модели развития страны и внутренней организации модели производства... Социалистическая модель производства стремится убрать социальное разделение, иерархическую структуру и разницу в удовлетворении человеческих потребностей... путем мультипликации капитала при производстве общественного богатства. И третье, новая социалистическая этика направляет венесуэльский народ на преобразование»¹⁵.

По его словам, «социализм XXI века не миг, а реальность... Мы стремимся отстоять

независимость и суверенитет, пробуя избежать фальшивый процесс глобализации, целью которого является насаждать у нас дикий капитализм, доминирующий сегодня в мире... Есть потребность в новой международной геополитике для создания многополюсного, социально-справедливого и солидарного мира, в котором мир будет гарантирован за счет равноправного диалога между народами, с сохранением права на самоопределение при уважении к свободе мысли. Венесуэла, обладающая мировой силой в сфере энергетики, должна содействовать стратегии, комбинирующей суверенное использование ресурсов с региональной и глобальной интеграцией»¹⁵.

Н акануне президентских выборов (14 апреля 2013 г.) острота противоречий в венесуэльском обществе превзошла даже те пределы, которые в прежние времена разрешались традиционным для Латинской Америки способом – военным переворотом. В последние дни перед выборами силы практически выравнялись, и оба лагеря надеялись на победу как на чудо. Шансы на победу наследника Чавеса Николаса Мадуро падали с каждым днем, а лидера оппозиции Энрике Каприлеса Радонски – поднимались. И тот и другой понимали, что победа или поражение определяют будущее страны, АЛБА, Латиноамериканского региона в целом и мирового левого и антиглобалистского движения.

Без поддержки Венесуэлы Куба вряд ли сможет продержаться долго и военно-политическому блоку АЛБА будет положен конец. Кроме того, в случае победы Каприлеса основным инвесторам в национальную экономику Венесуэлы (России, Китаю и Бразилии) придется изъять свои инвестиции, уступив место США и ЕС. А это уже серьезно ударит по общим

экономическим программам, скрепленных подписями президентов на недавней встрече в Южной Африке государств – членов БРИКС. При этом Россия потеряет одного из своих основных оружейных рынков и недополучит миллиарды долларов.

Даже после победы Николас Мадуро, со своим девятиклассным образованием, не имеет ни харизмы, ни общей культуры, ни начитанности своего предшественника и вряд ли сможет поддерживать так интенсивно пророссийскую и прокубинскую ориентацию своей страны, преодолевая нарастающее сопротивление как правой оппозиции, так и части своих соратников.

С другой стороны, даже поклонникам и последователям У.Чавеса нельзя не заметить, что вторую за последние полгода президентскую кампанию Энрике Каприлес Радонски провел намного более профессионально и грамотно. Например, в ней присутствовали прежде всего финансово-экономические доводы, кото-

рые никак нельзя опровергнуть, и с ними соглашаются и серьезные эксперты, симпатизирующие «Боливарианской революции»: в этом году валовой продукт упадет на 4%; инфляция вместо запланированных 18% в конце года будет 33%; дефицит публичного сектора составил 15%; нехватка основных продуктов питания превысит 50%¹⁶.

Все-таки Николас Мадуро успел сохранить хоть минимальную часть своего преимущества и был объявлен победителем кампании. Заранее было известно, что оппозиция не собирается признавать свое поражение. Очень многим было безразлично, как закончится голосование и кто будет объявлен президентом. Это прежде всего бедные слои населения, чья доля в венесуэльском обществе снизилась вдвое – с 50% до 25% за время «Боливарианской революции». Это и есть её основное достижение, что является главным гарантом ее поддержки со стороны половины населения страны.

Союзники Венесуэлы признали результаты выборов и передали поздравления Николасу Мадуро. Речь идет о России, Китае, Иране, а также о союзниках по блоку АЛБА – Кубе, Никарагуа, Эквадоре, Боливии. Они высказали надежду на развитие дружеских отношений и сотрудничества в нефтедобыче и ценовой политике в отношении энергоресурсов.

Так или иначе, у последователей Чавеса есть шанс продолжать курс строительства «социализма XXI века» и распространения боливарианизма по всей Латинской Америке и в третьем мире. У них 95 из 165 депутатов в парламенте, а также 20 из 23 губернаторов штатов. Кроме латиноамериканских и ближневосточных союзников за спиной нового венесуэльского руководства твердо стоят Российская Федерация, Китайская Народная Республика и Исламская Республика Иран.

Однако кроме США и Испании (Вашингтон и Мадрид дали понять, что не признают результаты выборов) Николас Мадуро испортил отношения с Израилем и мировым еврейством в целом, называя Каприлеса «фашистом» и «наследником Гитлера» (родственники Каприлеса со стороны матери спасались от Холокоста в Польше). Недостатки его образования не дали ему возможно-

сти понять всей полноты последствий этих необдуманных высказываний. Среди них вполне может быть и международное наказательное преследование. С другой стороны, волюнтаризм в экономике и финансах* и всевластие кубинских военных советников спровоцировали недовольство как со стороны председателя парламента Диосдадо Кабельо, так и министра обороны адмирала Диего Молеро.

Ситуация очень похожа на чилийскую 40-летней давности: экономическая разруха, политический хаос, напряжение между двумя частями венесуэльского общества секторами, примерно равными по численности. В этих условиях, сразу после выборов, была проведена закрытая встреча Энрике Каприлеса с высшим военным руководством страны. Стенограмма пока не опубликована, и политические наблюдатели гадают о ее содержании.

Предотвращение очередного путча против последователей Чавеса имеет особенно важное значение для интеграции и объединения латиноамериканцев против североамериканского империализма.

Примечания

¹ Латинская Америка. 2006. № 12. С. 25.

² Латинская Америка. Москва. 1993. № 6. С. 28.

³ Дабагян Э. Уго Чавес и Боливарианская революция. М., 2004. С. 17, 64, 67, 74, 204, 213, 215, 216, 218.

⁴ Latin American Research Review. Albuquerque. 1998. Vol. 33. № 2. С. 154-155, 159.

⁵ Exselsior. Mexico. 1999. 22 января.

⁶ Iglesias M.S. Salto al futuro. Caracas. 1998. С. 98-99.

⁷ Maya M. Lopez. Problemas de los partidos populares en la transicion. (Tras una alternativa politica en Venezuela) // Contribuciones. 1998. № 1. P. 87-88.

⁸ ALAI. 2004. № 383. P. 2.

⁹ ИТАР-ТАСС. 1 марта 1999, Компас. 1999. № 9.

¹⁰ Зора. 2005. 27 октября. P. 9.

¹¹ Известия, 2006. 22 сентября. С. 5.

¹² БТА, 2002. 16 апреля.

¹³ Granma International. 2004. 5 декабря. № 49. С. 14.

¹⁴ Латинская Америка. Москва. 2006. № 6. С. 12.

¹⁵ Нова Зора. 2011. 5 июля. С. 10-11.

¹⁶ URL: www.abc.es/internacional/20130410/abci-maduro-admite-colapso-economico-201304091944.html

* Во время предвыборной кампании дважды проходила девальвация боливара, чтобы закрыть фискальный дефицит в размере 16%, и в конце концов боливар обесценился на 80% на фоне дорогих подарков Кубе, Никарагуа, Аргентине в виде нефти.